

положительными и за отрицательными отзывами объ игрѣ Щепкина; по отрицательнымъ отзывамъ мы видимъ ясно, насколько новы, непривычны были приемы Щепкина для большой публики того времени. Публика привыкла къ наложенію густыхъ красокъ на изображеніе на сценѣ отдѣльныхъ страстей. Но весь смыслъ игры Щепкина сводился къ освѣщенію *перекрестнаго взаимодействія страстей*, при которомъ каждая страсть въ отдѣльности не могла выпирать такъ, чтобы заполнять собою все остальное. Эту тонкую сложность игры рутинеры принимали порой за недостатокъ силы и предпочитали Щепкину актеровъ, по-старинному рубившихъ съ плеча или не выходявшихъ за рамки условнаго трафарета. Въ этомъ мы и усматриваемъ доказательство того, что щепкинское творчество въ указанномъ отношеніи было новостью, составляло крупный шагъ впередъ. Зато зоркіе и чуткіе цѣнители тонкаго искусства понимали художественный замыселъ Щепкина и видѣли въ немъ высокую заслугу артиста.

Обратимся къ наиболее яркимъ примѣрамъ творчества Щепкина съ указанной точки зрѣнія.

Вотъ комедія Бѣлинскаго „Пятидесятилѣтній дядюшка или странная болѣзнь“. Пятидесятилѣтній дядюшка серьезно влюбляется въ свою 18-лѣтнюю воспитанницу, сердце которой уже отдано другому. Дядюшка борется съ своей страстью, страдаетъ отъ нея, но, наконецъ, великодушно устраиваетъ счастье воспитанницы съ любимымъ ею человекомъ, а самъ навсегда уѣзжаетъ на Кавказъ. Въ рецензій на игру Щепкина въ роли дядюшки въ „Репертуарѣ“ ¹⁾ находимъ любопытнѣйшее указаніе на замыселъ артиста. Легко было бы, разсуждаетъ рецензентъ, изобразить влюбленнаго дядюшку или съ комической стороны, или съ драматической, но „Щепкинъ задалъ себѣ трудную задачу *слить въ одномъ лицѣ двѣ стороны*“. Дядюшка въ исполненіи Щепкина былъ *то смѣшонъ, то трогателенъ*, и рецензентъ недоволенъ этимъ, находя, что въ игрѣ Щепкина была *двойственность*. Но *слить въ одномъ лицѣ двѣ (или болѣе, чѣмъ двѣ) стороны*—вѣдь это и была та за-

1) „Репертуаръ русск. театра“, 1839 г., VIII. Та же рецензія дословно въ „Галатеѣ“, 1839 г., № 6.